

УДК 314.728(571.150)

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ*

О.Е. Ноянзина, А.А. Горбунова, С.А. Сарыглар

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: noe@list.ru, nastia_gorbunova@mail.ru, syldysma93@mail.ru*

Оценивается восприятие населением Алтайского края миграционных процессов, роли мигрантов и мигрантов иноэтничного происхождения. Эмпирической базой статьи послужили данные социологического мониторинга состояния межнациональных отношений (раунд 2017 г.) в Алтайском крае, n = 1200. Методы сбора информации — формализованное интервью по месту жительства населения в возрасте от 18 до 75 лет. Для достижения цели статьи использованы следующие показатели мониторинга: субъективная оценка численности мигрантов в месте проживания респондента, оценка оптимальных направлений миграционной политики государства, эффекты присутствия мигрантов на территории региона, личное отношение к мигрантам. Сделан вывод, что, несмотря на довольно длительные и интенсивные миграционные процессы в Алтайском крае? существуют предпосылки для формирования целого комплекса проблем для мигрантов, включая проблемы социально-бытового характера, адаптации в принимающее сообщество. В основе этих проблем социально-адаптационного плана может лежать и характер социальных настроений старожильского населения Алтайского края. Потенциалом конфликтности в сфере отношений мигрантов с принимающим сообществом обладает молодежь сел Алтайского края. Отношение населения Алтайского края как к самим мигрантам, так и к реализуемой по отношению к ним политике государства не является определенно позитивным. Мигранты не оцениваются как вносящие сколько-нибудь весомый вклад в экономическое благополучие региона, а скорее как несущие риск ухудшения состояния правопорядка и общественной безопасности в обществе.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, мониторинг, межнациональные отношения, социальные настроения.

---

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ № 28.2757.2017/4.6 «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция», 2017–2019.

SOCIAL CONTEXT OF MIGRATION PROCESSES IN THE ALTAI REGION

O.E. Noyanzina, A.A. Gorbunova, S.A. Saryglar

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: noe@list.ru, nastia_gorbunova@mail.ru, syldysma93@mail.ru*

The aim of the paper is related to the evaluation of perception of the role of migration processes, role of migrants and 'alien' migrants in the Altai region. Empirical base are the data of sociological monitoring of interethnic relations in the Altai region (stage of 2017), n = 1200. Used methods of data collecting — formalized interviewing in households, respondents at the age between 18 — 75 years. In paper, authors used the following monitoring variables: subjective evaluation of the number of migrant in territory of residence, evaluation of effective migration policy measures, effects of the migrants, who stay in the region, personal relation to migrants. Conclusions are made about long and intensive migration processes in the Altai region. However, there is a complex of problem for migrants, including social and adaptation ones. These problems lay on the character of social moods of aboriginal population of the Altai region. The potential of the conflict with migrants belongs to the regional rural youth. Social moods of population of the Altai region are not definitely positive as in relation to the state migration policy as in relation to migrants themselves. Migrants are considered as having no any considerable input into economic well-being of the region, but having negative effect for the risk to public security, low and order.

Keywords: *migration, migration processes, monitoring, interethnic relations, social moods.*

Введение

Сегодня в отечественной и мировой науке вопросам сущности миграционных процессов, видов миграции, факторов и последствий миграционной мобильности, механизмов миграционного поведения, миграционной политики, государственного регулирования международной миграции уделяется значительное внимание.

Как отмечает Л.Л. Рыбаковский (1973), миграция населения — это весьма сложный по своей природе и разнообразный по формам проявления и последствиям социальный процесс, на который воздействуют различные политические, социально-экономические, демографические и другие факторы. В то же время трудно переоценить то влияние, которое этот процесс, в свою очередь, оказывает на развитие общества. Поэтому очень легко обосновать и интерес со стороны ученых многих специальностей, который не ослабевает в отношении всех массовых перемещений населения, особенно в период множественных общественных трансформаций (Recent developments..., 2015).

Как было отмечено выше, подходов к исследованию различных аспектов миграции достаточно много. В.А. Ионцев (1999) на основе анализа зарубежной и от-

еественной литературы разработал классификацию, включающую 17 основных подходов к изучению миграции населения. По его мнению, они объединяют 45 научных направлений, теорий и концепций. При этом автор данной классификации также отмечает, что в нее вошли отнюдь не все существующие подходы и направления. Но, полагаем, вышеприведенного примера достаточно, чтобы представить, насколько многогранны и разнообразны по своей сути, проявлениям и последствиям миграционные процессы (Return migration, 2008).

Современная зарубежная социология имеет длинную историю эмпирических и теоретических исследований, посвященных миграции и ее последствиям для общества. Новейшие исследования уделяют большое внимание сетям социальных связей и взаимозависимостям мезоуровня, особо выделяя роль индивидуумов и семейств при признании того, что их миграционное поведение структурно обусловлено социальным контекстом (Pries, 2016). Кроме этого, физическое перемещение людей вызывает много вопросов относительно адаптации мигрантов и последствий миграции (Dorlöchter-Sulser, 2015).

При этом ставшего уже классическим экономического подхода, являющегося сугубо индивидуалистическим, для объяснения этих вопросов явно недостаточно. В новых подходах к исследованию миграции ученые пытались найти осмысление миграции, в котором социальное поведение и социальные отношения могли быть полностью теоретизированы и прямо измерены (İçduygu, Aksel, 2015). Они отклонили все предыдущие схемы: неоклассическую экономическую, в которой потоки миграции, как думали, показывали индивидуальные жилищные предпочтения и вычисления полезной стоимости; структурного и экологического подходов, в которых индивидуальное воздействие было явно исключено. Теоретические положения нового подхода были сформулированы в работах С. Голдшейдера (1987), Д. Массея (1993) и А. Портеса (1993).

Эти положения основаны на концепции социальной включенности, согласно которой факторы и последствия такого человеческого поведения, как миграция, можно понять только в контексте социальных отношений и установленных структур, в которых люди являются встроенными в местах происхождения и общинах предназначения (Воробьева, 2016). Другими словами, поскольку социальная структура играет очень важную роль в определении объема и направления миграции и адаптации мигрантов, исследование социального взаимодействия на различных уровнях позволяет по-новому взглянуть на фундаментальные социальные процессы, структуры и изменения (Skeldon, 2018).

Современный взгляд на миграцию позволяет рассматривать ее как структурированную сетями социальных связей, которые развивают, регулируют и осуществляют взаимодействие между группами на местах прежнего и нового места жительства (Crush, 2015). Следующее положение состоит в том, что миграция является многоуровневым социальным процессом, в котором индивидуумы являются включенными в домашние хозяйства, домашние хозяйства — в общины и так далее. Эти наблюдения не являются новыми, но нынешнее поколение ученых объединило их в систему, используя данные лонгитюдных исследований и статистических методов

для изучения факторов и последствий миграции в любой нации независимо от ее уровня развития (Ноянзина, Максимова и др., 2015).

В изучении миграции обычно разделяют исследования внутреннего и международного перераспределения населения. Несмотря на их различия, оба этих процесса регулируются и мотивируются информацией, идеями и другими ресурсами сети. Поэтому мезоуровневая структура полезна для обоих типов анализа. Внутренние и международные процессы адаптации также имеют сходства: семья, друзья или прежние соседи предоставляют временное жилье и другие виды помощи, и часто неофициальные структуры обеспечивают начальную и иногда долговременную занятость. Все же две формы миграции имеют свои различия в анализе, потому что межнациональные мигранты должны преодолеть юридические барьеры и национальные границы, которые не ограничивают внутреннее движение; кроме того, международные мигранты часто более лингвистически и культурно отличны от представителей страны предназначения, чем те люди, которые перемещаются в пределах одной и той же страны (Douglas, 2015).

Важно отметить, что миграцию нельзя изучать без анализа социального контекста, в который она включена (Achenbach, 2016). Точно так же нельзя изучать структуру общества и ее изменения без исследования демографических, социальных, экономических и политических последствий миграции. Исследования, проводимые в последние десятилетия, расширили теоретические горизонты (Dennet, 2015), создавая место для мезоуровня, мезометода и междисциплинарных исследований. Мезоуровень социально-сетевых подходов к анализу миграции теоретически эклектичен, так как он сочетает идеи демографии, политической экономии, нового структурализма, сетевого анализа, теории социального капитала, предлагая новую альтернативу объяснения разнообразного миграционного поведения, оставляя, тем не менее, многие теоретические и эмпирические вопросы.

Миграционные процессы в Алтайском крае

Несмотря на то, что Алтайский край не входит в число субъектов с наибольшей долей въехавших иностранных граждан, структура миграционных потоков определяет характеристики ситуации в сфере межнациональных отношений. По данным управления по вопросам миграции МВД России по Алтайскому краю, на протяжении последних лет в области международной миграции фиксируется миграционный прирост, причем подавляющее большинство данного прироста составили граждане стран СНГ, выходцы из Казахстана, Украины, Армении, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. При этом демографическая и миграционная ситуация, сложившаяся в Алтайском крае, как и в России в целом, по-прежнему остается достаточно сложной: наблюдается устойчивая тенденция ежегодного сокращения населения, что не может не оказывать деструктивного влияния на состояние межнациональных отношений. Мигранты, замещающие коренное население, с низким уровнем образования, знания русского языка, общероссийских социально-культурных ценностей и правил общественного поведения, порождают мигрантофобию. В свою очередь, мигрантофобия приводит к обострению этнического экстремизма, негативным тенденциям в социально-культурной сфере, росту националистических настроений в обществе.

Динамика количества прибывающих и проживающих на территории Алтайского края иностранных граждан и лиц без гражданства свидетельствует о том, что миграционная ситуация в регионе остается стабильной.

Согласно информационной базе данных учета талонов миграционных карт, за 5 месяцев 2018 г. через пункты пропуска, расположенные на алтайском участке российско-казахстанской границы, и аэропорт г. Барнаула в Российскую Федерацию въехало 253 533 человека, что на 5,3% больше показателя аналогичного периода прошлого года. Большая часть иностранцев проследовала транзитом в другие регионы страны. Выехало за пределы России 199 158 иностранных граждан.

За 5 месяцев 2018 г. на территории Алтайского края поставлено на миграционный учет 31 449 лиц, что на 8,9% больше, чем в прошлом году. Снято с миграционного учета 24 885 иностранных граждан.

По-прежнему наиболее активно посещающими Алтайский край являются граждане Республик Казахстан — 8948 (33,5%); Узбекистан — 7606 (28,0%); Таджикистан — 3769 (13,9%); Кыргызстан — 932 (3,4%); Азербайджан — 796 (2,9%); Армения — 736 (2,7%); Украина — 646 (2,3%) и Китай — 974 (3,5%).

Наиболее привлекательными местами для проживания иностранных граждан являются крупные города и районы Алтайского края: в Барнауле осуществлено 16 684 (61,6%) постановки на миграционный учет иностранных граждан, в Бийске — 1262 (4,6%), в Белокурихе — 1098 (4,0%), в Рубцовске — 795 (2,9%), в Новоалтайске — 858 (3,2%). В последние два года прослеживается увеличение числа въехавших иностранных граждан на территорию Рубцовского района — 952 (3,5%) — привлекаемых для выполнения сельскохозяйственных работ на полях района.

Величина и направление международной миграции в основном определяются характером обмена населения между Алтайским краем и странами Содружества Независимых Государств. По-прежнему в большей степени миграционный обмен у Алтайского края установлен с Республиками Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан.

С утверждением Концепции государственной миграционной политики активизировался процесс международного сотрудничества между образовательными учреждениями Алтайского края и вузами ближнего и дальнего зарубежья.

Образовательные учреждения Алтайского края активно привлекают для обучения иностранных граждан и лиц без гражданства, количество иностранных граждан, пребывающих на территории Алтайского края с учебными целями, ежегодно увеличивается. Так, за 5 месяцев 2018 г. на территории Алтайского края поставлено на учет 3431 (5 месяцев 2017 г. — 3259 постановок; +5,3%) иностранных студента, из них больше всего граждан Республики Казахстан — 2235 (65,0%), Таджикистан — 310 (9,0%), Кыргызстан — 103 (3,0%).

В настоящее время наблюдается незначительный рост количества иностранных студентов, прибывших на территорию Российской Федерации в порядке, требующем получения визы: Китай — 185 (5,4%), Индия — 155 (4,5%), Ирак — 70 (2,0%), Египет — 67 (2,0%), Монголия — 60 (1,7%).

Социально-экономические процессы, происходящие в Алтайском крае, обуславливают миграционную привлекательность региона. Ежегодно в летний период увеличивается число иностранных граждан, прибывающих на территорию края для поиска работы в сфере строительства и сельского хозяйства.

Привлечение иностранных работников в крае в основном производится в такие отрасли экономики, как строительство, оптовая и розничная торговля, обрабатывающее производство, сельское хозяйство, деятельность ресторанов и кафе.

Между тем миграционное законодательство Российской Федерации не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития страны, интересам работодателей и российского общества в целом, так как ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит мер, способствующих, например, социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество, их переезду на постоянное место жительства и участию в жизни государства.

В России мигранты сталкиваются с целым комплексом проблем правового, бытового и адаптационного характера, которым до настоящего времени государством не уделялось должного системного внимания, а работодатель оставался один на один с решением вопросов по регулированию отношений между привлеченными иностранными работниками и принимающим обществом.

Методы

Целью данной статьи является оценка восприятия населением Алтайского края миграционных процессов, роли мигрантов и мигрантов иноэтничного происхождения. Эмпирической базой статьи послужили данные социологического мониторинга состояния межнациональных отношений (раунд 2017 г.) в Алтайском крае.

Принципы планирования выборки мониторингового исследования учитывали два аспекта: с одной стороны, репрезентативность для региона в целом, а с другой — достаточно компактное размещение по территории. «С учетом этих обстоятельств использована схема районированной (стратифицированной) пропорциональной выборки в сочетании с серийным отбором (многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора). Поскольку такая выборка относится к „территориальным“, структура которых определяется в соответствии со структурой занятости, планирование выборки предусматривало отражение корреляции условий обитания с социальными характеристиками респондентов» (Максимова и др., 2014). Используемая выборка репрезентативна по параметрам пола, возраста и типу населенного пункта. В 2017 г. в мониторинге приняли участие 1200 респондентов, среди них 44,5% мужчин и 55,5% женщин, в возрасте 15–29 лет обследовано 28,9% респондентов, 30–49 лет — 39,5% и 50 лет и старше — 31,6% респондентов. Методы сбора информации — формализованное интервью по месту жительства населения в возрасте от 18 до 75 лет.

Количественные данные обработаны с использованием статистического пакета обработки данных SPSS 23.0. Для обоснования логики статистического вывода применены соответствующие природе данных (номинативной или количественной)

и характеру распределений статистические методы (дисперсионный анализ, корреляционный анализ, классификация методом построения дерева решений).

Для достижения цели статьи использованы следующие показатели мониторинга:

- 1) субъективная оценка численности мигрантов в месте проживания респондента (на основе распределений ответов респондентов на вопрос: «В Вашем городе (селе) есть мигранты, т.е. люди, недавно приехавшие из других регионов России или зарубежных стран, или таких людей нет?»);
- 2) оценка оптимальных направлений миграционной политики государства (на основе ответов распределений респондентов на вопрос: «Какую политику в отношении мигрантов Вы бы поддержали?»);
- 3) эффекты присутствия мигрантов на территории региона (на основе распределений ответов респондентов на вопросы: «Что положительного Вы видите в присутствии мигрантов? Что отрицательного Вы видите в присутствии мигрантов?»);
- 4) личное отношение к мигрантам (на основе распределений ответов респондентов на вопросы: «Как лично Вы относитесь к мигрантам в вашем регионе?»).

Результаты и обсуждение

Мигранты становятся частью повседневной жизни, активно включаются в общественно-политические и особенно экономические процессы, происходящее в алтайском социуме. Так, только 13,1% опрошенных считает, что в регионе практически нет мигрантов, далее оценки распределились практически равномерно по шкале оценивания: 22% считают, что таких людей много, 28,5% — довольно много, 27,6% — довольно мало. Не следует считать, что такие суждения опрошенных носят абсолютно субъективный характер, — скорее география расселения и миграционных перемещений различны в местах проведения мониторингового исследования, поэтому жители края с разной степенью интенсивности сталкиваются с мигрантами.

Вместе с тем в оценках населения Алтайского края не прослеживается поддержки инициатив властных органов по улучшению социальных условий и жизни мигрантов в целом. Итак, предлагая оптимальные направления миграционной политики Российской Федерации, опрошенные жители Алтайского края предпочли ужесточение миграционного законодательства и выступили за введение визового контроля, квот при приеме на работу и т.п. (30,2%), четвертая часть респондентов согласна с действующей политикой в отношении мигрантов (27%), а 22,8% выступили за политику поддержки и умеренного контроля миграционных процессов. Только небольшая часть опрошенных (4,9%) предложили в рамках государственной миграционной политики решать вопросы улучшения социальных условий жизни мигрантов и их полную легализацию в российском обществе, а 1,4% опрошенных жителей Алтайского края выступили за репрессивную политику в сфере миграции.

Среди 0,2% ответов на открытый вопрос «другое» — мнения о том, что мигрантам лучше бы «дать работу в своей стране», контролировать, чтобы «живя в обществе этнического большинства, пришлый был должен и обязан почитать их тра-

диции и обычаи», и откровенно негативное отношение к миграции и мигрантам: «касаемо всех, независимо от национальности не нужны», «не хочу иммигрантов», «построить забор вокруг России», «прекратить набивание карманов и разжигание войн», тогда «не будет мигрантов».

Полученные оценки направлений миграционной политики государства достоверно дифференцируются по целому ряду оснований (табл. 1). Так, например, жители сел и городов в целом имеют более выраженную тенденцию поддержки политики ужесточения миграционных потоков (30,1% в селе и 29,8% в городе), но мнения жителей городов более равномерно распределились по предложенным альтернативам.

Оценки в разрезе разных возрастных групп распределились практически идентично.

Среди групп опрошенных с разным образовательным уровнем разное отношение к действующей миграционной политике: чаще согласны с ней опрошенные с высшим (31%) и начальным профессиональным образованием (30,7%), а реже — с неполным высшим (19%).

Ресурсом стабильности в сфере отношений мигрантов и принимающего общества является верующая и воцерковленная часть опрошенных, среди которых отсутствуют сторонники политики (как и в группах с низким образовательным уровнем). Политика ужесточения миграционного законодательства получила преимущественную поддержку мужчин (33,5%), чем женщин (27,7%).

Что положительно отмечает население Алтайского края в присутствии мигрантов? При доминирующем мнении, что абсолютно ничего хорошего в этом процессе нет (37,6%), среди положительных моментов отмечено: мигранты занимают рабочие места, которые не востребованы населением (25%), 13,7% респондентов отмечают, что мигранты привозят в город дешевые продукты и товары, оказывают дешевые услуги, а 6,1% отмечают вклад в разнообразие этнической культуры региона, 4,8% — что мигранты пополняют население региона молодыми энергичными людьми.

Данные оценки достоверно варьируют внутри групп горожан и сельчан, разных возрастов, уровней образования и отношения к религии (табл. 2). Так, жители сел чаще не видят положительных сторон присутствия мигрантов в крае (41,4%, 32,6% — жители городов), а также решения проблем рынка труда с помощью мигрантов (24,4%, 26,3% оценок горожан) и прочих преимуществ. Чем старше опрошенный, тем меньше его оценки преимуществ наличия мигрантов в Алтайском крае, тогда как почти треть молодежи в возрасте до 29 лет ценят заполнение мигрантами невостребованных рабочих мест (10,2%, 12,3% оценок средней возрастной группы и 15,8% — старшей), а также изменения в демографической (7%) и этнической (10,5%) структуре региона, происходящие благодаря мигрантам. Чем ниже уровень образования опрошенного, тем в целом меньше он готов учитывать преимущества и положительные моменты деятельности и присутствия в регионе мигрантского общества в целом. А мнения неверующей части опрошенных также распределены в сторону более частых выборов положительных сторон присутствия мигрантов.

Вместе с тем интересно, что довольно значительная часть опрошенных (32,5%) не видит и абсолютно ничего плохого в присутствии мигрантов в Алтай-

ском крае. Чаще же всего мигранты связываются опрошенными с криминализацией общества, незаконными практиками (18,6%) и отсутствием желания у мигрантов следовать традициям и правилам принимающего общества (12,5%). 15,5% опрошенных считают, что мигранты отбирают у населения в том числе и нужные и востребованные рабочие места, которые в таком трудоизбыточном регионе, как Алтайский край, и так очень сложно занять при довольно высокой конкуренции. Небольшими долями выборов отмечено, что мигранты снижают общую картину благополучия в городе (4,4%) и своим присутствием приводят к смешению культур и утере российских ценностей (6,1%).

Данные тенденции в оценивании негативных эффектов пребывания мигрантов в Алтайском крае достоверно варьируют только в оценках жителей городов и сел, а также разных возрастных групп. Жители городов чаще считают мигрантов занимающими рабочие места, нужные местному населению (12,1% выборов сельчан, 19,5% выборов горожан), а жители сел чаще полагают, что в присутствии мигрантов нет ничего хорошего (34,8% и 2,9% выборов горожан).

Молодежь реже видит негативные моменты в присутствии мигрантов (27,5%, 31,9% — 30–49-летних и 35,6% — 50+), реже видит конкуренцию с мигрантами в борьбе за рабочие места (14,5%), зато чаще не удовлетворена культурой и поведением мигрантов (19,4%) (табл. 3).

В большинстве случаев (55,6%) население Алтайского края равнодушно относится к мигрантам, однако почти пятая часть респондентов (17,3%) не скрывает своего негатива по отношению к мигрантам, причем 4,4% из них относятся к мигрантам резко негативно, а 12,9% — определяют свое отношение как скорее отрицательное. 15,8% — скорее положительно относятся к мигрантам, а 11,1% считают свое отношение дружелюбным.

Личное отношение опрошенных к мигрантам достоверно определяется местом их проживания, возрастом и отношением к религии: жители городов преобладают среди тех, кто дает резко негативные (5,6%, 3,4% — сельчан) и скорее негативные (16,1% и 9,7% — сельчан) оценки собственного отношения к мигрантам. С возрастом отношение становится еще более негативным, а затем несколько смягчается: 3,2% молодежи, 5,7% опрошенных среднего возраста и 3,9% — старшего резко негативно относятся к мигрантам, а скорее негативно — 11,9% молодежи, 11,2% средней группы и 13,8% — старшей. Доли относящихся к мигрантам дружелюбно и скорее положительно выше в старших возрастных группах, где, например, в группе 50+ 11,6% респондентов оценивают свое отношение к мигрантам как дружелюбное. Положительно и скорее положительно относятся к мигрантам преимущественно верующие группы опрошенных.

На основе классификации, проведенной на основе применения метода дерева решений, можно сделать выводы о зависимости в оценках роли мигрантов в обществе (отметим, что предварительно оценки были распределены на две группы, суммирующие положительные и отрицательные стороны пребывания мигрантов в Алтайском крае, нейтральные оценки исключены из анализа). В классификации участвовали такие независимые переменные, как пол, возраст, территория прожи-

вания, длительность проживания в крае, образовательный уровень, наличие оформленных профессиональных предпочтений, национальность.

Первый этап классификации продемонстрировал наличие связи между местом проживания опрошенных. Так, проживание в сельской местности в 55,3% случаев формирует мнение о преимущественно негативном влиянии мигрантов на региональную инфраструктуру и социально-экономические процессы в крае, а проживание в городах края — в 56,6% будет предопределять очевидность выгоды от наличия мигрантов, особенно — трудовых. Более размытые оценки роли мигрантов в региональном социуме связаны с миграционным опытом самого респондента, т.е. на втором этапе классификации доказана зависимость от длительности постоянного проживания респондента в крае: чем дольше живет опрошенный в крае (в нашем случае более 5 лет), тем выше вероятность оценки положительных сторон присутствия мигрантов — 68,8% (рис. 1).

Дополнительно по итогам классификации, реализованной с применением метода дерева решений, сделаем вывод о зависимости формирования характера личного отношения к мигрантам от места проживания и пола респондентов. Предварительно также проведено формирование двух полярных позиций оценок (положительные — отрицательные) с группировкой скорее и определенно положительных и скорее и определенно отрицательных оценок, нейтральные оценки исключены из анализа. Набор независимых переменных сохранен.

Итак, проживание в селе с большей степенью будет предопределять положительное отношение к мигрантам (68,7%), а в городах основной «градус позитива» придают женщины (61,3%), а не мужчины, которые в большей части случаев будут тяготеть к негативной оценке своего отношения к приезжим (58,1%) (рис. 2).

Выводы

Несмотря на довольно длительный и интенсивный обмен Алтайского края за счет иностранных мигрантов (преимущественно из стран СНГ), богатый опыт гармоничного сосуществования на территории региона представителей более 140 этнических общностей, существуют предпосылки для формирования целого комплекса проблем для мигрантов: как правового, экономического, так и социально-бытового характера, адаптации в принимающее сообщество.

В том числе в основе проблем социально-адаптационного плана может лежать и характер социальных настроений старожильского населения Алтайского края. Потенциалом конфликтности в сфере отношений мигрантов с принимающим сообществом обладает молодежь сел Алтайского края. В целом же заметим, что отношение населения Алтайского края как к самим мигрантам, так и к миграционной политике государства не является определенно позитивным. Мигранты не оцениваются как вносящие сколько-нибудь весомый вклад в экономическое благополучие региона, а скорее как несущие риск ухудшения состояния правопорядка и общественной безопасности в обществе. Наиболее критичны в оценках мигрантов жители сел региона, которые к тому же видят угрозу своему экономическому благополучию в силу претензий мигрантов на их трудовые места.

Таблица 1

Оценка оптимальных направлений миграционной политики России в зависимости от социально-демографических характеристик опрошенных, значимые различия (χ^2 , $p \leq 0,005$), %.

Социально-демографические группы	Политику улучшения социальных условий жизни мигрантов и их полную легализацию	Политику поддержки и умеренного контроля	Я согласен/согласна с действующей политикой в отношении мигрантов	Политику ужесточения контроля миграционных потоков	Репрессивную политику	Другое	Затрудняюсь ответить
Тип поселения							
город	7,2	24,2	25,6	29,8	1,7	,3	11,2
село	2,8	21,7	28,7	30,1	,9	,2	15,5
Возраст							
15–29 лет	6,7	27,2	20,9	28,1	1,2	,6	15,4
30–49 лет	3,0	19,8	28,3	32,0	1,3		15,8
50 лет и старше	4,2	20,6	30,7	31,9	1,7	,2	10,6
Уровень образования							
Основное общее	11,8	22,1	25,0	22,1	1,5		17,6
Среднее (полное) общее	8,9	20,7	25,9	31,1	1,5		11,9
Начальное профессиональное		14,9	30,7	25,7	4,0		24,8
Среднее профессиональное	2,5	22,7	25,5	34,0	,9	,3	14,0
Неполное высшее	7,0	25,0	19,0	34,0	1,0	1,0	13,0
Высшее профессиональное	3,7	26,2	31,0	28,1	1,1	,3	9,6
Отношение к религии							
верующий	5,1	20,6	29,0	32,2	1,4		11,7
неверующий	5,7	28,0	25,0	30,7	1,9	1,1	7,6
Затрудняюсь ответить	3,2	23,8	22,8	21,7	,5		28,0
Пол							
мужской	5,1	20,9	25,6	33,5	2,5	,5	11,8
женский	4,9	24,6	28,0	27,7	,4		14,4

Положительные эффекты присутствия в стране мигрантов
в зависимости от социально-демографических характеристик опрошенных,
значимые различия (χ^2 , $p \leq 0,005$), %.

Социально-демографические группы	Абсолютно ничего	Они работают там, где не хотят работать местное население	Привозят в город дешевые продукты и товары, дешево и качественно ремонтируют квартиры	Пополняют население города молодыми энергичными людьми	Привносят этническое и культурное разнообразие	Другое	Затрудняюсь ответить
Тип поселения							
город	32,6	26,3	15,9	5,3	8,4	,5	11,1
село	41,4	24,4	11,8	4,4	3,9	,2	14,0
Возраст							
15-29 лет	30,2	30,8	10,2	7,0	10,5		11,3
30-49 лет	43,5	23,3	12,3	3,8	4,0	,3	13,0
50 лет и старше	39,4	24,4	15,8	3,0	3,9	,7	12,8
Уровень образования							
Основное общее (8–9 классов)	49,3	16,4	7,5	6,0	9,0		11,9
Среднее (полное) общее (10–11 классов)	39,3	28,9	11,9	2,6	7,8		9,6
Начальное профессиональное (ПУ, ПТУ)	35,6	25,7	10,9	4,0	3,0	1,0	19,8
Среднее профессиональное (техникум, колледж)	42,8	21,3	16,3	5,0	3,4		11,3
Неполное высшее (3 курса ВУЗа)	33,0	30,0	10,0	12,0	5,0		10,0
Высшее профессиональное	31,3	25,7	15,8	4,3	7,8	,8	14,4
Отношение к религии							
верующий	39,8	26,3	13,4	4,2	5,3	,3	10,8
неверующий	33,2	22,9	19,1	6,5	7,3	,4	10,7

Социально-демографические группы	Абсолютно ничего	Они работают там, где не хотят работать местное население	Привозят в город дешевые продукты и товары, дешево и качественно ремонтируют квартиры	Пополняют население города молодыми энергичными людьми	Привносят этническое и культурное разнообразие	Другое	Затрудняюсь ответить
Затрудняюсь ответить	34,4	23,8	6,9	4,8	7,4	,5	22,2
Пол							
мужской	42,9	24,0	12,4	4,5	5,3	,4	10,5
женский	33,4	26,0	14,5	5,0	6,8	,3	14,0

Таблица 3

Негативные эффекты присутствия в стране мигрантов
в зависимости от социально-демографических характеристик опрошенных,
значимые различия, %

Социально-демографические группы	Абсолютно ничего	Они занимают рабочие места, нужные местному населению	Рост преступности, незаконная деятельность	Проявления их культуры, нежелание приспособиться к местным социальным условиям	Снижение общей картины благополучия жизни в городе	Смещение культур, утеря российских ценностей
Тип поселения						
город	29,6	19,5	17,8	13,0	4,6	6,8
село	34,8	12,1	19,0	12,5	3,9	5,6
Возраст						
15–29 лет	27,5	14,5	20,0	19,4	4,3	4,3
30–49 лет	31,9	16,0	18,5	11,2	5,7	7,2
50 лет и старше	35,6	17,0	16,8	8,9	3,2	7,4
Пол						
мужской	31,9	16,8	19,7	12,6	4,6	6,2
женский	32,7	14,7	17,7	12,7	4,1	6,2

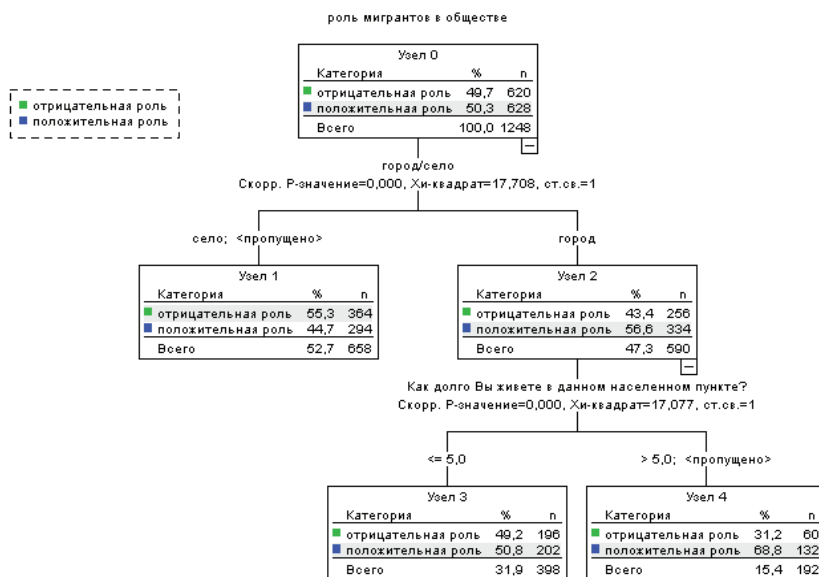

Рисунок 1 — Дерево решений для предсказания оценок роли мигрантов в принимающем сообществе

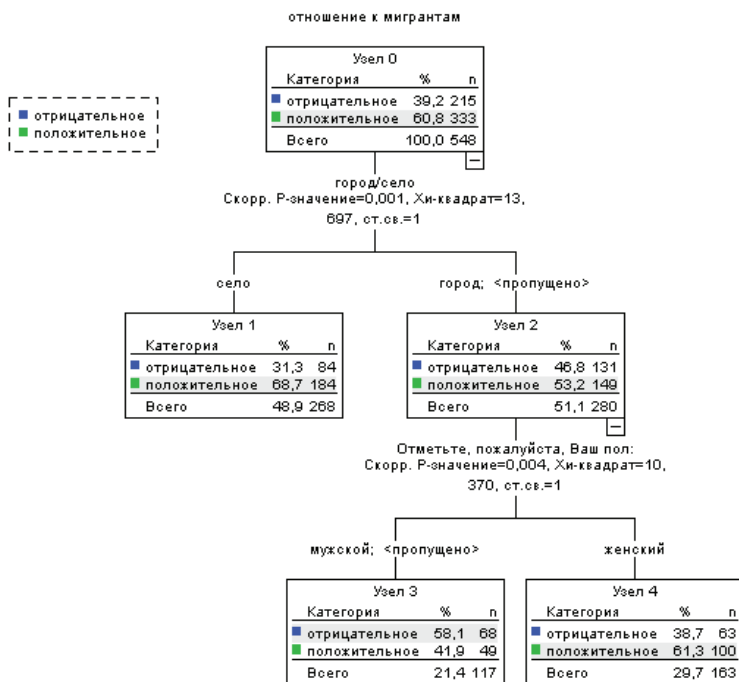

Рисунок 2 — Дерево решений для предсказания отношения к иноэтничным мигрантам в принимающем сообществе

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воробьева О.Д. Многоликая миграция. *Migration and Social Development*, 2016, 1(1), 9. doi:10.18334/migration.1.1.38079.

Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. Москва: Диалог МГУ, 1999.

Максимова, С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. и др. Методика формирования региональных выборок в социально-экономических исследованиях социальных рисков и безопасности населения приграничных территорий. *Вестн. Алт. гос. аграр. ун-та*, 2014, 8(118), 153–159.

Ноянзина О.Е., Максимова С.Г. и др. Миграционные процессы: угроза или условие демографической безопасности Алтайского края? (экспертная оценка риска демографического кризиса в регионе) *Изв. Алт. гос. ун-та*, 2013, No 2.

Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. Москва: Статистика, 1973.

Achenbach R. Return Migration Decision Making: Theoretical Considerations. In: *Return Migration Decisions*, 2016, 27–77. doi:10.1007/978-3-658-16027-2_2.

Crush J. The EU–ACP migration and development relationship. *Migration and Development*, 2015, 4(1), 39–54. doi:10.1080/21632324.2014.954377.

Dennett A. Visualising migration: Online tools for taking us beyond the static map. *Migration Studies*, 2015, 3(1), 143–152. doi:10.1093/migration/mnu073.

Dorlöchter-Sulser S. “Migration as Adaptation”: New Perspective for Migration Research or Dead-End? In: *Environmental Change, Adaptation and Migration*, 2015, 59–79. doi:10.1057/9781137538918_4.

Douglas K.N. International knowledge flows and technological advance: the role of migration. *IZA Journal of Migration*, 2015, 4(1). doi:10.1186/s40176-015-0037-8.

Goldscheider C. Migration and social structure: analytic issues and comparative perspectives in developing nations. *Sociological Forum*, 1987, No 2, 674–696.

İçduygu, A., Aksel, D.B. Migration Realities and State Responses: Rethinking International Migration Policies in Turkey. In: *Social Transformation and Migration*, 2015, 115–131. doi:10.1057/9781137474957_8.

Massey D. et al. Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*, 1993, 19(2), 431–466.

Portes A. Economic sociology and the sociology of immigration: a conceptual overview. In: *The Economic sociology of immigration*. New York: Russell Sage Foundation, 1995, 1–41.

Pries L. Circular Migration as (New) Strategy in Migration Policy? Lessons from Historical and Sociological Migration Research. In: *Return Migration and Regional Development in Europe*, 2016, 25–54. doi:10.1057/978-1-137-57509-8_2.

Recent developments in international migration movements and policies. In: *International Migration Outlook*, 2015, 15–58. doi:10.1787/migr_outlook-2015-4-en.

Return Migration. In: *International Migration Outlook*, 2008, 161–222. doi:10.1787/migr_outlook-2008-7-en.

Skeldon R. High-Skilled Migration and the Limits of Migration Policies. Oxford Scholarship Online. 2018. doi:10.1093/oso/9780198815273.003.0003.

REFERENCES

Vorob'eva, O.D. (2016). Mnogolikaya migraciya [Multifaceted migration]. *Migration and Social Development*, 1(1), 9. doi:10.18334/migration.1.1.38079 (in Russian).

Ioncev, V.A. (1999). *Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International migration of population: theory and history of research]. M.: Dialog MGU.

Maksimova, S.G., Goncharova, N.P., Noyanzina, O.E. i dr. (2014). Metodika formirovaniya regional'nyh vyborok v social'no-ehkonomicheskikh issledovaniyah social'nyh riskov i bezopasnosti naseleniya prigranichnyh territorij [Methodology of regional sampling formation in social-economic studies of social risks and population security in border regions]. *Vestn. Alt. gos. agrar. un-ta*, 8(118), 153–159.

Noyanzina, O.E., Maksimova, S.G. et al. (2013) Migracionnye processy: ugroza ili uslovie demograficheskoy bezopasnosti Altajskogo kraja? (ehkspertnaya ocenka riska demograficheskogo krizisa v regione) [Migration processes: threats or condition for demographic security in the Altai region]. *Izv. Alt. gos. un-ta*, No 2.0

Rybakovskij, L.L. (1973). *Regional'nyj analiz migracij* [Regional analysis of migration]. M.: Statistika.

Achenbach, R. (2016). Return Migration Decision Making: Theoretical Considerations. *Return Migration Decisions*, 27–77. doi:10.1007/978-3-658-16027-2_2.

Crush, J. (2015). The EU–ACP migration and development relationship. *Migration and Development*, 4(1), 39–54. doi:10.1080/21632324.2014.954377.

Dennett A. (2015). Visualising migration: Online tools for taking us beyond the static map. *Migration Studies*, 3(1), 143–152. doi:10.1093/migration/mnu073.

Dorlöchter-Sulser, S. (2015). “Migration as Adaptation”: New Perspective for Migration Research or Dead-End? *Environmental Change, Adaptation and Migration*, 59–79. doi:10.1057/9781137538918_4.

Douglas, K.N. (2015). International knowledge flows and technological advance: the role of migration. *IZA Journal of Migration*, 4(1). doi:10.1186/s40176-015-0037-8.

Goldscheider, C. (1987). Migration and social structure: analytic issues and comparative perspectives in developing nations. *Sociological Forum*, No 2, 674–696.

İçduygu, A., Aksel, D.B. (2015). Migration Realities and State Responses: Rethinking International Migration Policies in Turkey. In: *Social Transformation and Migration*, 115–131. doi:10.1057/9781137474957_8.

Massey, D. et al. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*, 19(2), 431–466.

Portes, A. (1995). Economic sociology and the sociology of immigration: a conceptual overview. In: *The Economic sociology of immigration*. New York: Russell Sage Foundation, pp. 1–41.

Pries, L. (2016). Circular Migration as (New) Strategy in Migration Policy? Lessons from Historical and Sociological Migration Research. In: Return Migration and Regional Development in Europe, pp. 25–54. doi:10.1057/978-1-137-57509-8_2.

Recent developments in international migration movements and policies. In: International Migration Outlook, 2015, 15–58. doi:10.1787/migr_outlook-2015-4-en.

Return Migration. In: International Migration Outlook, 2008, 161–222. doi:10.1787/migr_outlook-2008-7-en.

Skeldon, R. (2018). High-Skilled Migration and the Limits of Migration Policies. Oxford Scholarship Online. doi:10.1093/oso/9780198815273.003.0003.